

Глава 1

15 декабря 2056 года. Зима.

Этот день навсегда вошёл в историю человечества как самый чёрный.

Крупнейшая база выживших на Голубой Звезде — «Ноев Ковчег Номер Один» Города А — была осаждена несметными полчищами Заражённых. Трое суток. Семьдесят два часа. Три дня без сна, без надежды, без передышки.

Рассвет в то утро полыхал кровью.

Восходящее солнце, которое должно было нести жизнь, пропиталось запахом смерти. Все солдаты и Эсперы базы погибли снаружи — за стенами, в которые уже вцепились когти Заражённых. Предсмертные крики защитников разносились над пепелищем, кровь въелась в каждый камень внешних укреплений.

Тонкие стены. Последний рубеж.

И всё же Заражённые не пошли на штурм.

Они стояли, не двигаясь с места. Окружили людей, могли перебить всех до единого — но не торопились. Тешились, как кошка, загнавшая мышь в угол: наблюдали за людским страхом, за человеческим уродством в панике — с холодным любопытством хищников, которым незачем спешить. Лишь когда их повелитель наигрался вдоволь, с неба сорвались дюжины исполинских птиц и ринулись вниз — прямо на второго сына семьи Гу.

До Апокалипсиса клан Гу был в Городе А знатью и богачами. Активы — исчислялись сотнями миллиардов; бизнес — зерно, масло, продовольствие. После Апокалипсиса, опираясь на заблаговременно созданные запасы и накопленный капитал, семья молниеносно сплотила вокруг себя множество Эсперов и превратилась в крупнейшую силу Города А. Когда же здесь основали базу «Ноев Ковчег Номер Один», клан Гу вложил в её строительство огромные средства.

Проще говоря: семья Гу была некоронованными королями этой базы.

Прежде простые люди, заведя кого-то из Гу, кланялись и уступали дорогу — только бы ненароком не задеть кого не надо. Но сегодня Гу точно так же стояли под топором, как и все остальные. Раз так — отчего бы не говорить прямо?

Особенно если стоит лишь отдать Сяо Ци (Приёмыш Гу Ци. Чтобы не было путаницы, он будет Сяо Ци) — и всем сохранят жизнь.

— Второй господин Гу, выдайте Сяо Ци. Один человек — в обмен на жизни всех нас.

— Верно. Он всё равно вам не родной.

— Тогда, в той вылазке — именно Сяо Ци заразил Цзян Юя. Пусть расплатится своей жизнью. Разве это несправедливо?

Полчища снаружи были подчинены воле единственного Заражённого по имени Цзян Юй. И все выжившие на базе знали эту историю — широко известный секрет, который уже давно не был тайной. Когда-то Цзян Юй вышел на задание вместе с Сяо Ци, и тот из корыстных побуждений погубил его. Но Цзян Юй не умер — он стал Заражённым. Силы его многократно возросли. Человеческий разум угас, но ненависть к Сяо Ци никуда не делась. Несколько попыток убить его провалились, и тогда Цзян Юй пошёл другим путём: собрал армию Заражённых и взял базу в осаду.

Поначалу люди ещё пытались успокаивать друг друга, уговаривали потерпеть. К концу голоса слились в единый рёв:

— Выдайте Сяо Ци!

Этот рёв мешался с воплями Заражённых, летевшими с небес, — и было уже не разобрать, кто кричит громче: люди снаружи или люди изнутри. Второй сын клана Гу стоял в кольце толпы, лицо — серее золы, взгляд — холодный и острый, как клинок. Он медленно повернул голову в сторону фамильной виллы.

— Мама, я виновен перед всеми!

В просторной гостиной виллы семьи Сяо Ци стоял у окна и слушал, что творится снаружи. В больших, оленьих глазах дрожала боль.

— Если бы я тогда не покалечил Цзян Юя, пытаясь спасти Второго брата, до этого бы не дошло.

Госпожа Гу похлопала его по плечу — мягко, успокаивающе. Мельком взглянула на Гу Ци, сидевшего на диване в другом конце комнаты, и тут же отвела глаза.

— Мама тебя не винит. Хватит плакать — сердце разрывается смотреть на тебя.

Помолчав, она обернулась к Гу Ци.

— Гу Ци. Иди. Мама тебя просит.

Гу Ци смотрел на эту идиллическую картину — мать и любимый сын — и молчал. Долго молчал. Потом спросил, и голос его едва не сорвался:

— Мама... ты хочешь, чтобы я вышел вместо Сяо Ци?

Полчаса назад его позвали из спальни вниз, и мать сказала ему следующее:

«Сяо Ци натерпелся немало. То, что он тогда сделал с Цзян Юем, — он сделал ради тебя и твоего второго брата. Гу Ци, пришло время отдавать долги. Вы с Сяо Ци почти одного возраста, похожи друг на друга. Выйди вместо него».

Когда мать замолчала, Сяо Ци принялся извиняться — снова и снова, одни и те же слова по кругу. У Гу Ци заломило в висках. Грудь распирало от ярости. Он попытался встать — и в ту же секунду повалился: успел лишь ухватиться за диван, чтобы не рухнуть на пол. Год назад, в той самой вылазке, где пострадал Цзян Юй, Гу Ци потерял ногу. С тех пор и в семье Гу его место упало до самого дна.

Оно и понятно. Конец света — не то место, где нужны калеки. Калека требует ухода, занимает место, ест чужой хлеб. Беспольный нахлебник, и всё.

По сравнению с Сяо Ци, сильным Эспером, Гу Ци — очевидная кандидатура для жертвы.

— Почему именно я?! — Пальцы Гу Ци мелко тряслись. Слова давались с трудом: дыхание участилось, перехватывало горло. — Почему? Это Сяо Ци заразил Цзян Юя. Это из-за него я лишился ноги. Он совершил проступок — отчего умирать мне? Мама, ты всегда любила его больше. Так скажи мне прямо: кто твой сын — я или он?

На лице госпожи Гу мелькнуло что-то похожее на вину. Но едва прозвучал последний вопрос, мать вскочила — не раздумывая ни секунды — и наотмашь ударила его по щеке.

— Сяо Ци — мой сын! Он твой брат! — Она кричала, размахивая руками, словно насадка, готовая растерзать любого, кто посмеет обидеть птенца. — Да, его усыновили. Но он не подзаборный ублюдок! Это ты сам убежал гулять и потерялся — мы искали тебя, сколько сил было! Только Сяо Ци держал меня на плаву всё это время. Я велела тебе принять его как родного брата — ты что, не понимаешь?!

Удар бросил Гу Ци на пол. Лбом — об угол чайного столика. В глазах потемнело. Сердцебиение стучало молотом прямо в ушах, перед угасающим взглядом — искажённое лицо матери.

Да. Сяо Ци приёмный. Но в этом доме он весил больше, чем родной сын.

Восемь лет назад, ещё до Апокалипсиса, маленький Гу Ци убежал погулять — и угодил в руки торговцев людьми. Его продали в деревню, в чужую семью, велели называть хозяев родителями. Но он был смышлённым. В конце концов сбежал.

Всё это время он знал, кто он. Знал, что он Гу Ци. Знал, что у него есть семья. За восемь лет разлуки он тосковал по ним — каждый день, каждую ночь.

«Они наверняка тоже скучают по мне. Наверняка ищут».

Когда он наконец вернулся на порог родного дома, оказалось, что там уже живёт другой ребёнок. В тот день мама, старшие братья — все они стояли вокруг этого мальчика и пели ему «с днём рождения», называли «Сяо Ци», называли братом. Когда Гу Ци постучал в дверь, мать приняла его за нищего и сунула стоюаневую купюру: «Иди своей дорогой».

И только когда он произнёс «мама» — все оцепенели.

Первым подал голос Сяо Ци.

Мальчик цепко ухватился за мамин рукав и заморгал сквозь слёзы:

— Это вернулся потерявшийся брат? Значит, меня отправят обратно в детский дом?

Все бросились утешать Сяо Ци. Гу Ци — только что вырвавшийся из самого настоящего логова зверей — неловко застыл на пороге, не зная, как войти в собственный дом.

Той же ночью мать позвала его на разговор. Говорила она сухо, как будто зачитывала свод правил.

«Сяо Ци — мы взяли его из детского дома, пока тебя не было».

«Он ранимый, но послушный. Мы все любим его как родного».

«Ты старше. Он будет звать тебя братом. Заботься о нём».

С начала и до конца — ни слова о том, что пережил он сам. Как добирался. Через что прошёл. Только одно: не обижай Сяо Ци. Не обижай Сяо Ци. Не обижай Сяо Ци.

Гу Ци хотел заплакать. Но слёз не было.

Теперь он лежал на полу и в тишине смотрел, как мать кричит на него, как Сяо Ци стоит за её спиной, мёртвой хваткой зажав в кулаке край её одежды.

Дверь виллы распахнулась — и поток брани оборвался.

— Договорились? Нам пора. — Второй брат, Гу И, ворвался с улицы, неся на себе запах крови. Он шагнул к Гу Ци, без раздумий схватил его за руку и поволок к выходу — ни секунды промедления.

Гу Ци даже встать не успел — его просто тащили.

Он видел, как брат тащит его на городскую стену. Когда они поднимались, Гу И что-то сунул ему под одежду.

Гу Ци поднял глаза.

Лицо брата было каменным. Когда их взгляды встретились, уголок его глаза дёрнулся — едва заметно. Потом Гу И развернул его — лицом к тому, что простиралось за стеной.

Несколько десятков метров в высоту. Запах крови ударял прямо в нос. Внизу — сотни тысяч Заражённых, оскаленных, жутких, бесчисленных.

Среди них выделялся один.

На паланкине сидел красивый мужчина. Рога на голове. Драконья чешуя, покрывающая лицо. За спиной — толстый чёрный хвост. Раздвоенный тонкий язык. По лицу тянулись отметины, характерные для Заражённых, — чёрные, бросающиеся в глаза.

У Заражённых всегда есть отметины — красные, чёрные, зелёные. По ним определяли происхождение. По степени мутации — угадывали ранг.

Такой, как этот — полностью изменившийся, — с первого взгляда читался как высокоранговый Заражённый. Никак не ниже седьмого уровня.

Он и до всего этого был холоден и красив. Теперь же драконья чешуя добавила к этому облику нечто хищное. Зрачки — серебристые, вертикальные щели. Даже на расстоянии от него исходило давление, от которого сводило грудь.

Цзян Юй.

Гу Ци смотрел на него издали — и в памяти смутно всплывали обрывки прошлого. Цзян Юй

когда-то жил по соседству, на вилле через забор. В детстве Гу Ци часто ходил к нему играть. Потом — кража, восемь лет плена. Потом — возвращение домой. Говорили, что Цзян Юй уехал на лечение. Потом пришёл Апокалипсис. Потом...

— Цзян Юй! Вот твой человек — как ты и требовал! Держи слово, отводи своих!

Голос брата прогремел рядом. В следующую секунду Гу Ци почувствовал, что его подхватывают — человекоподобные птицы спикировали сверху, вцепились в одежду и рванули вверх, в высоту.

Пока его тащили прочь, Гу Ци в последний раз посмотрел вниз, на базу.

Огромный «Ноев Ковчег» уменьшался на глазах, уходил вдаль. Под ногами разверзлась пустота.

Ярость и горечь бушевали внутри.

Гу Ци рванул руки назад — и выскользнул из одежды. Тщедушное тело вывалилось из куртки и полетело вниз.

В ту секунду, пока он падал, он успел поймать взгляд брата — Гу И смотрел с таким лицом, как будто у него рвётся что-то внутри. Но не от жалости. Причина была другая: вместе с Гу Ци вниз полетела тщательно заготовленная высококонцентрированная радиоуправляемая бомба.

Брат намеревался использовать его как живую бомбу. Доставить прямо к Цзян Юю. Взорвать их обоих.

Но Гу Ци не собирался делать ему такое одолжение.

Семья Гу хочет его смерти — что ж. Тогда он потянет за собой и семью Гу.

Пусть разобьётся. Пусть. Цзян Юй всё равно не найдёт Сяо Ци и заставит всех ответить!

Свободное падение обжигало лицо ветром — и впервые за долгое время Гу Ци почувствовал что-то похожее на мрачное торжество. Он хотел засмеяться. Но из горла вырвалось лишь тихое, сдавленное всхлипывание.

Снизу ударил огонь.

В последнем всплеске пламени Гу Ци показалось, что Цзян Юй летит к нему — чёрная драконья чешуя, распахнутая в рывке, острая как клинок. Горестный, яростный вопль дракона

прокатился между небом и землёй. Гу Ци смотрел издали — и успел разглядеть только эти глаза. Серебристые. Вертикальные зрачки.

«Не надо ко мне лететь», — подумал он. — «Я всё ещё жду, пока ты отомстишь за меня. Если тебя сейчас взорвут — что станет с мстью?»

Но крикнуть вслух не получилось.

Он устал. Невыносимо устал.

На пороге сознания мелькнула последняя мысль: если будет следующая жизнь — пусть он не возвращается в семью Гу. Пусть останется в той деревне. Живёт, как простака, не знающий, что такое родная кровь и предательство.

Потом огонь поглотил всё.

Гу Ци решил было, что умер.

Но тело болело. Ужасно болело. Неужели за то, что он утащил столько людей с собой, ему теперь гореть в одном из восемнадцати кругов ада?

Он с трудом разлепил глаза.

Холодная плитка под щекой. Яркий свет. Просторная гостиная виллы. И — голос, грохочущий над головой:

— Даже не мечтай! Этот праздник устраивают для Сяо Ци, тебя никто сюда не звал. Не смей лезть и перетягивать на себя его внимание!

Гу Ци с усилием сел.

Ясный утренний свет. Красивая гостиная. И — заметно помолодевший Гу И, стоящий с руками в боки, на лице — привычное раздражение.

За его спиной прятался Сяо Ци.

Сяо Ци всегда держался за чужими спинами. Они с Гу Ци были чем-то похожи, но Гу Ци носил очки, во всём его облике читались мягкость и начитанность — правильный отличник. Сяо Ци, похоже, из-за ранних лет в детском доме рос медленнее: выглядел совсем молодо, был хрупким

и пугливым. Сейчас он тянул Гу И за рукав, а когда поймал взгляд Гу Ци — инстинктивно нырнул за брата.

Гу Ци долго сидел неподвижно, приходя в себя.

И наконец вспомнил.

Это четвёртый год с тех пор, как он вернулся домой. Через три дня — его совершеннолетие.

И в ту ночь, когда ему исполнится восемнадцать, — на землю опустится ад.

<http://bllate.org/book/18976/2160593>